

Андреева В. Г. Эпический синтез в позднем творчестве И. С. Тургенева / В. Г. Андреева // Научный диалог. — 2021. — № 11. — С. 202—215. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-11-202-215.

Andreeva, V. G. (2021). Epic Synthesis in Late Work of I. S. Turgenev. *Nauchnyi dialog*, 11: 202-215. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-11-202-215. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-11-202-215

Эпический синтез в позднем творчестве И. С. Тургенева

Андреева Валерия Геннадьевна
orcid.org/0000-0002-4558-3153
доктор филологических наук
ведущий научный сотрудник 1,
профессор кафедры
Отечественной филологии 2
lanfra87@mail.ru

¹ Институт мировой литературы
им. А. М. Горького
Российской академии наук
(ИМЛИ РАН)
(Москва, Россия)

² Костромской государственный
университет
(Кострома, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено при
финансовой поддержке РФФИ в рамках
научного проекта № 20-012-00102

Epic Synthesis in Late Work of I. S. Turgenev

Valeria G. Andreeva
orcid.org/0000-0002-4558-3153
Doctor of Philology
Leading Researcher 1,
Professor 2
lanfra87@mail.ru

¹ A. M. Gorky Institute
of World Literature
of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

² Kostroma State University
(Kostroma, Russia)

Acknowledgments:

The reported study was funded by RFBR,
project number 20-012-00102

© Андреева В. Г., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается эпический синтез в творчестве И. С. Тургенева на примере его последнего романа «Новь». Отмечается, что на это произведение писатель возлагал большие надежды, поскольку роман должен был показать истинную позицию Тургенева по отношению к русскому народу и будущему России. Указывается, что в «Нови» нет пространно явленной темы крестьянской жизни, но она не отступает на второй план: Тургенев представляет собирательный образ народа, дает оценку событий с народной точки зрения. Подчеркивается, что внимание писателя к реакции публики, обусловленное стремлением не просто представить максимально полную картину жизни России, но и показать читателю вневременные образцы осмысленного бытия, поднимающиеся над различными «вопросами», позволяет говорить об эпической широте романа. Автор статьи доказывает, что художественный мир «Нови» можно прочитывать «послойно», доходя до ключевых смыслов: за внешними столкновениями политических сил находится проблема взаимоотношений людей, их готовности помогать друг другу. Проводятся параллели между тремя очерками, добавленными к книге «Записки охотника», и отдельными эпизодами романа «Новь», доказываются их идейная и художественная связь. Делается вывод, что творчество позднего Тургенева невозможно анализировать без учета противопоставления драматической стихии разрушения и созидательной силы, имеющей в своей основе православное миросозерцание.

Ключевые слова:

И. С. Тургенев; «Новь»; «Записки охотника»; соборная адресация; народники; западники; очерк; повесть; роман; эпический роман; эпический синтез; мотив.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The epic synthesis in the works of I. S. Turgenyev on the example of his last novel “Nov” is examined in the article. It is noted that the writer had high hopes for this work, since the novel was supposed to show Turgenyev’s true position in relation to the Russian people and the future of Russia. It is pointed out that in “Nov” there is no extensively revealed theme of peasant life, but it does not recede into the background: Turgenyev represents a collective image of the people, evaluates events from the people’s point of view. It is emphasized that the writer’s attention to the reaction of the public, conditioned by the desire not only to present the most complete picture of life in Russia, but also to show the reader timeless samples of meaningful life, rising above various “questions”, allows us to talk about the epic breadth of the novel. The author of the article proves that the artistic world of “Nov” can be read “layer by layer”, reaching the key meanings: behind the external clashes of political forces is the problem of the relationship between people, their willingness to help each other. Parallels are drawn between the three essays added to the book “Notes of a Hunter” and individual episodes of the novel “Nov”, their ideological and artistic connection is proved. It is concluded that the work of the late Turgenyev cannot be analyzed without considering the opposition between the dramatic elements of destruction and the creative force, which is based on the Orthodox world outlook.

Key words:

I. S. Turgenyev; “Nov”; “Notes of a Hunter”; cathedral addressing; populists; Westerners; feature article; story; novel; epic novel; epic synthesis; motive.

Эпический синтез в позднем творчестве И. С. Тургенева

© Андреева В. Г., 2021

1. Проблема жанрового определения «Нови» И. С. Тургенева

В последнем романе И. С. Тургенева «Новь» нашли воплощение многие актуальные проблемы русской жизни 1870-х годов, представления писателя о пути России. О масштабах своего нового творения Тургенев сообщал М. М. Стасюлевичу 26 января (7 февраля) 1873 года: «Что же касается до новой повести, то имею Вам сказать, что она разрастается до исполинских размеров — величиною она превзойдет все, что до сих пор написал ... Так как я на этой повести имею намерение раскланяться с читателями, то я хочу положить в нее все, что у меня на душе, благо сюжет попался — как мне кажется — подходящий» [Тургенев, 1978—2018, т. 12, с. 102]. Тургенев называет свое будущее произведение *повестью*, а не романом, хотя отмечает ее предполагаемый знаменательный «исполинский размер». Большинство исследователей определяют жанр «Нови» как роман. Так, Ю. В. Лебедев, Н. Ф. Буданова вслед за работами В. М. Маркович, Г. А. Бялого, А. И. Батюто еще 1980-х годов различают жанровое своеобразие первых четырех романов писателя. Эти произведения более стремительны и лаконичны с точки зрения движения сюжета, нежели два его финальных романа — «Дым» и «Новь», имеющие иную структуру, включающие несколько сюжетных линий, художественные ответвления, когда единство книги «держится не на фабуле, а на внутренних перекличках разных сюжетных мотивов» [Лебедев, 2018, с. 182].

Важной видится нам проблема жанрового определения «Нови», показательным представляется расхождение в определении жанра самим Тургеневым и исследователями. «Дело в том, что современная литература наводнена не только романами, но и “повестями”, “рассказами”, “новеллами”, причем иная новелла — как будто роман, тогда как другому роману лучше бы назваться новеллой, повестью», — отмечал А. Н. Веселовский [Веселовский]. При этом ученый подчеркивал, что у романа и других, меньших, жанров должны быть разные мерилы. Скорее всего, называя задуманное произведение повестью, Тургенев пытался сделать акцент не на сюжете и ключевой в его более ранних романах любовной истории, но на процессе *рассказывания, повествования*, который должен был охватить широкие пласты русской жизни, в том числе народной.

По всем жанровым признакам «Новь» можно считать романом, в том числе и по объему («Новь» — не самый краткий роман Тургенева). В 1860—1870-е годы в русской литературе особенно активно идет процесс романизации: в жанровой системе на первое место выходит роман, по словам М. М. Бахтина, подчиняющий себе все остальные жанры. Однако напомним об оговорке Тургенева по поводу величины «Нови»: так как по замыслу писателя новое произведение должно было превзойти все прежние, то есть вместить не только историю и судьбу становящегося героя, но и историю страны, народа, то и роман должен быть охарактеризован как эпический, одной из отличительных особенностей которого является не просто наличие точек зрения, но изображение народного взгляда на происходящие события. В отличие от повести, представляющей какую-то одну грань действительности, жизнь в романе показывается объемно: все главные герои романов Тургенева от «Рудина» до «Нови» находятся в сложном соотношении с окружающим, стремятся к максимальному охвату событий и чувств, не замыкаются только на себе.

Романный масштаб позволяет гармонично соединить в одном произведении разветвленную совокупность мотивов. Кроме того, как справедливо отмечает И. А. Беляева, в романах Тургенева (в отличие от его повестей) нет «онтологического пессимизма и трагизма», «человек оказывается причастен высшему началу», а в «Дыме» и «Нови», где единство в романе за счет парных героев «представляет собой сложный двухполюсный центр», мы видим всё то же, если не более яркое «деятельное стремление к совершенству» [Беляева, 2005, с. 146—147].

2. Масштаб «итогового слова» И. С. Тургенева

Роман «Новь» был написан быстро, за полгода, но с момента задумки, первой заметки до реализации замысла прошло около семи лет. В 1873 году Тургенев предполагал включить в название будущего романа строки «распростаться с читателями», показывающие масштаб *итогового слова*. Однако скоро писатель передумал давать произведению подобное название, повлиял на его решение совет М. В. Авдеева. В письме к последнему от 26 апреля (8 мая) 1873 года Тургенев писал: «Душевно благодарю Вас за приятельский совет насчет заглавия моей будущей повести; Вы совершенно правы: если ей суждено явиться — в чем я начинаю сильно сомневаться, — то не под прежде придуманным мною заглавием, которое, в сущности, есть не что иное, как претензия. Вот уж точно можно сказать, пародируя Лермонтова: “Какое дело нам” ... в последний раз или не в последний раз ты пишешь?» [Тургенев, 1978—2018, т. 12, с. 139]. Но о реакции публики Тургенев продолжал думать, стремился к тому, чтобы роман всколыхнул всю общественность. С. К. Казакова, рассматривая проблему специфики адресации русского ро-

мана второй половины XIX века, справедливо говорит об аспекте соборной адресации как признака эпоса, отмечает ориентацию русских писателей второй половины XIX века не на определенную часть читателей, но на всю Россию: «С размышлениями о судьбах нации писатели обращались ко всей России — думающей, прогрессивной, честной и т. д.» [Казакова, 2021, с. 208].

Поздний Тургенев выходит к глубинным масштабам обобщений, художественный замысел «Нови» можно прочитывать «послойно»: за внешними столкновениями политических сил, за противостоянием либералов, реакционеров, народников находится проблема взаимоотношения людей, их готовности помогать друг другу.

Периодическое возвращение Тургенева в письмах 1870-х годов к рассуждению о готовящемся романе показывает, что писатель жил с этим замыслом. Значимым видится нам факт создания Тургеневым в 1870-х годах трех рассказов для книги «Записки охотника»: к 22 очеркам о жизни России, изданным в 1852 году, Тургенев спустя двадцать лет добавляет еще три. В 1872 году в журнале «Вестник Европы» выходит рассказ «Конец Чертопханова», который логически связан с очерком «Чертопханов и Недопоскин», созданным ранее. А в 1874 году Тургенев пишет еще два рассказа — «Живые мощи» и «Стучит!». Исследователи творчества Тургенева, как правило, не упоминают об этих очерках в связи с романом «Новь», однако глубоко символичным является обращение писателя к своей же эпической книге «Записки охотника», представившей всю русскую жизнь с ее темными и светлыми сторонами. «В творчестве Тургенева 1870-х годов вновь пробуждается острый интерес к народной теме... Разгадку русской жизни он начинает теперь искать не в скоропреходящих типах, а в героях, воплощающих коренные черты национального характера, неподвластные ходу времен», — отмечает Ю. В. Лебедев [Лебедев, 2018, с. 195].

Новый национальный кризис 1870-х годов, скорее всего, напоминал Тургеневу кризис последнего десятилетия жизни крепостнической России. В «Нови» на ином уровне реализовано сочетание тех же сторон национальной жизни, которые читатель видел в «Записках охотника». Сходной оказалась и попытка Тургенева за множеством драматических элементов найти эпический синтез и подвести итог своему творчеству. Мотив завершения можно увидеть в трех очерках: «Конец Чертопханова», «Живые мощи», «Стучит!» и в романе «Новь».

3. Художественные переключки в очерках И. С. Тургенева 1870-х годов и романе «Новь»

Некоторые переключки образов в «Записках охотника» и «Нови» уловил еще Д. Н. Овсянико-Куликовский: «Я склонен думать, что между “Записка-

ми охотника”, этой по преимуществу народной великорусской книгою, и созданием фигуры Соломина есть некоторая связь, хотя, быть может, сам художник и не создавал ее» [Овсяннико-Куликовский, 1895]. Согласно выводам комментаторов «Записок охотника» в полном собрании сочинений Тургенева, очерки «Живые мощи» и «Стучит» были отчасти реализацией старых замыслов писателя [Тургенев, 1978—2018, т. 3, с. 516]. Но примечательно появление этих двух очерков уже после рассказа «Конец Чертопханова», который создавался заново в 1871—1872 годах. П. В. Анненков опасался, что вмешательство в «Записки охотника» (пусть даже самого автора) могло повредить целостности книги. Между тем добавленные три очерка позволили вывести весь сборник на уровень национального эпоса вне привязки ко времени, привнесли в него вневременные драматические мотивы, неизбежное человеческое отчаяние и противопоставленное ему православное сознание, ощущение высшего произволения и радость жизни.

В «Конце Чертопханова» явлено крушение судьбы человека, за которым просматривается трагедия русского дворянства. «Конец Чертопханова» показывает завершение пути героя, как и вся история Нежданова в романе «Новь» рисует его исход. В наполненном событиями очерке «Конец Чертопханова» автор сразу же говорит о череде финальных неудач героя: *Года два спустя после моего посещения у Пантелея Еремевича начались его бедствия — именно бедствия ...* [Там же, с. 292]. А в романе «Новь» Тургенев вначале не показывает бедствий Нежданова (их читатель увидит позднее), но фактически сразу иллюстрирует его «неудовольствие и досаду» [Там же, т. 9, с. 141]. Движение героев к концу начинается после побега Маши и зарождения пока не явного, но искреннего стремления отпустить Марианну: *Его руки лежали вокруг ее стана, ее руки опирались об его плечи. “Да нет, — думал Нежданов, — а между тем, бывало, прежде, когда мне случалось держать ее в своих объятиях — вот так, как теперь, — ее тело оставалось по крайней мере неподвижным; а теперь я чувствую: оно тихо и, может быть, против ее воли бежит от меня прочь!”* [Там же, с. 348].

В романе «Новь» автор показывает постепенное разочарование героя, а в «Конце Чертопханова», как отмечает Е. Фомина, «склонность “русского человека” к саморазрушению будет предельно обнажена» [Фомина, 2015, с. 89—90]. В «Нови» тоска Нежданова спрятана от чужих глаз, но она разъедает его изнутри. Роднит Чертопханова с Неждановым и обостренное чувство гордости. А вот в очерке «Живые мощи» стихии разрушения противопоставлена удивительная сила созидания, источником которой является вера и умение главной героини радоваться окружающей красоте мира Божьего. Между тем последняя лишь доносится до Лукерьи в виде принесенных цветов, прилетающих ласточек, случайно забежавшего зайца.

Ю. М. Прозоров справедливо отметил, что «Тургенев стоял у истоков того движения в русском обществе и русской культуре, которое увидело почти религиозный смысл в познании народной жизни ...» [Прозоров, 2004, с. 7]. П. Г. Пустовойт писал, что в своем последнем романе Тургенев несколько преднамеренно показал именно темную сторону народа, при этом не отметив лучшие его качества [Пустовойт, 1987]. Но в «Нови» народ представлен не в лицах, обобщенно: как мужики в имении Маркелова, мужики, бабы и дети в церкви, народ на фабрике у Соломина. Теперь перед Тургеневым не стояла задача иллюстрации народных характеров, писателю важно было создать единый собирательный образ народного мира.

С романом «Новь» можно соотнести и очерк «Стучит!»: в обоих произведениях есть знаковые сцены, в которых герои сбиваются с пути. В очерке кучер Филофей ошибается с местом брода, тройка с тарантасом оказываются в воде: *Лежу я в тарантасе по-прежнему, а вокруг тарантаса — и на поларишина, не более, от его края — водная гладь, освещенная луною, дробится и дрожит мелкой, четкой рябью ...* [Тургенев, 1978—2018, т. 3, с. 344—345]. Из этой ситуации выводит героев коренник кудластый: *А вот пуцай кудластый оглядится: куда он ворохнетя, туда, значит, и ехать надоть*, — говорит мудрый кучер Филофей, незадолго до этого объяснивший барину, что кудластый не спит, а «воду нюхает» [Там же, с. 345]. Писатель показывает, что все усилия людей только бы помешали кудластому. Сама Россия явлена в очерке в образе тройки. Примечательно, что братья Филофея сначала хотели «запречь в корень» чалого, но старший брат решил запрягать кудластого — сильного и умного коня, могущего выбрать путь и вытянуть.

В романе «Новь» Нежданов и Маркелов, не сумевшие устроить свое счастье, в одной из сцен предстают заплутавшими путниками. Потеря дороги тут также отчасти связана с водомоинной (как в «Стучит!»), правда, меньшей по размеру: *“Барин” — обратился вдруг кучер к Маркелову. — Подержите-ка вожжи ... Я слезу, посмотрю ... Мы, кажись, с дороги сбились ... Водомоина тут, что ль, какая* [Там же, т. 9, с. 258]. И тут в романе происходит один из самых ярких конфликтов, связанных не с политикой, а с чувствами к женщине. Влюбленный в Марианну, Маркелов грубо оскорбляет Нежданова, упоминая о его незаконнорожденности. В кульминационный момент, когда Нежданов, готовый схватить Маркелова за горло, думает: *Кровью надо смыть эту обиду, кровью ...*, — кучер вдруг радостно сообщает, что коренник нашел дорогу: *Он взобрался на облучок, взял у Маркелова вожжи, повернул коренника в сторону ... Тарантас сильно трянуло раза два, потом он покатился ровнее и шибче ...* [Там же, с. 259].

Нельзя не отметить очень схожее ласковое обращение обоих возниц к лошадям, когда опасность миновала: *«Но-но-но, махонькие, с бо-*

гам!», — кричит Филофей [Там же, т. 3, с. 352]; «*Эх вы, котята любезные!*» — говорит лошадям кучер Маркелова [Там же, т. 9, с. 259]. А самую опасную сложившуюся ситуацию оба кучера характеризуют одинаково: «*Маленечко ошибся*», — говорит кучер в очерке «Стучит!» [Там же, т. 3, с. 345]; «*Маленько ошибся, влево взял ...*», — замечает кучер Маркелова [Там же, т. 9, с. 258].

Спокойствие героев из народа выгодно отличает их от господ. Филофей из очерка «Стучит!» можно сравнить с Соломиным, героем «Нови»: этих персонажей при всей внешней простоте роднит хозяйственность, степеньность, умение отстаивать свои интересы. Сходство типов проявляется в готовности героев ждать нужного времени: «Соломина, оберегающего людей, заботящегося о своих друзьях и о порядке, можно условно сравнить с Кутузовым в романе-эпопее “Война и мир”, мудро ожидающим нужного времени для действия, не торопящимся и тем самым спасающим народные жизни» [Андреева, 2020б, с. 172]. О правильном и важном ожидании говорит барину и кучер Филофей: «... *А теперь подождать надоть*» [Тургенев, 1978—2018, т. 3, с. 345]. При этом умение ждать не подразумевает пассивности героев, уместнее в данном случае, вслед за В. М. Головки, говорить о созерцательной форме деятельности [Головки, 2020, с. 232].

В очерке «Стучит!» не происходит ожидаемого нападения загулявших мужиков, выглядящих разбойниками, но значимо приближение «большущей развалистой телеги, запряженной тройкой поджарых коней» [Тургенев, 1978—2018, т. 3, с. 349], соперничество ее с тройкой Филофея (речь как будто идет о двух сторонах русской народной жизни, представленных в виде этих двух троек) и жалость Филофея к лошадям, обращение в сложную минуту к кудластому: «*Ну, кудластый, лошадушка моя верная, ступай брат, вперед! Сослужи последнюю службу! Всё едино ... Господи! бо-слови!*» [Там же, с. 350]. В решающий момент русский православный человек готов действовать, с честью встретить вызов судьбы. Филофей — в переводе с греческого — «любящий Бога». И когда герой предполагает, почему его и барина Бог помиловал, читатель очерка чувствует, что Филофей всегда с Богом.

4. Абстрактное «дело» и онтологические основы в романе «Новь»

Все произведения Тургенева создавались, по мнению Л. П. Гроссмана, «органически, неизбежно и просто» [Гроссман]. Между тем критические заметки позволяют утверждать, что читатели ждали от Тургенева в конце 1870-х годов романа о *новом герое*. По словам самого писателя, время больших героев прошло. 11 (23) сентября 1874 года Тургенев писал из Буживаля А. П. Философовой: «Народная жизнь переживает воспитательный период

внутреннего, хорового развития, разложения и сложения; ей нужны помощники — не вожаки, и лишь тогда, когда этот период кончится, снова появятся крупные, оригинальные личности» [Тургенев, 1978—2018, т. 13, с. 182].

О «Нови», как и о романе «Дым», можно сказать: «Политические идеи, отмечаемые современниками в высказываниях героев, сразу после выхода романа заслонили глубинные его смыслы, те онтологические начала, которые лежат в его основе» [Андреева, 2020а, с. 231]. Исследователи творчества Тургенева уже не раз отмечали, что поэтика «Дыма» и «Нови» значительно отличается от поэтики предыдущих произведений писателя. Для двух последних романов Тургенева характерны обобщения, сложная мотивная структура, наличие побочных конфликтов и особая драматизация. В «Нови» стихиям разрушения противопоставляются созидательные начала, которые хранят лучшие герои из народа: управляющий фабрикой Соломин, его помощник Павел с супругой Татьяной Осиповной. Как отметила А. А. Фирсова, «доброта, общительность, контактность выделяют фабричный “оазис” среди разъединенного, враждующего, разнонаправленно ориентированного мира» [Фирсова, 1983, с. 152—153].

Один из главных пунктов, в которых Тургенев расходился с народниками, был связан с ролью личности в жизни страны. Тургенев в «Нови» разделяет народную позицию, смотрит на окружающее взглядом православного человека. Скорее всего, именно об этой позиции писал Тургенев 3 (15) января 1876 года из Парижа М. Е. Салтыкову: «Оттого мне и не хотелось бы исчезнуть с лица земли, не кончив моего большого романа, который, сколько мне кажется, разъяснил бы многие недоумения и самого меня поставил бы так и там — как и где мне следует стоять <...> Мне остается сказать еще раз: подождите моего романа — а пока не сердчайте на меня, что я, чтобы не отвыкнуть от пера, пишу легкие и незначительные вещи ... Кто знает, мне, быть может, еще суждено зажечь сердца людей» [Тургенев, 1978—2018, т. 15, кн. 1, с. 11]. Поздний Тургенев приходит к убеждению, что не уникальная личность, а православный народ является выразителем исторической воли. Главная мера и оценка всего в художественном мире романа Тургенева — интерес народа и возможность его присутствия в деле: народ работает на фабрике, просвещать и поднимать народ отправляются Нежданов и его друзья, народ позволяет жить не имеющему дела Маркелову и даже важному чиновнику Сипягину с его семьей.

Сочетание в романе «Новь» драматических элементов, лирических зарисовок и отступлений с уравнивающим колебания и неразрешимые сомнения героя православным сознанием позволяет говорить об эпическом синтезе у позднего Тургенева. Религиозное сознание, воплощенное в произведениях позднего Тургенева, позволило ему выйти к обобщениям эпическим

ного масштаба и воплотить их в жанре эпического романа. Невозможность верного толкования жанровой специфики «Нови» была связана с близорукостью критиков, пытавшихся усмотреть в романе тенденцию. Н. К. Михайловский нашел в «Нови» исключительно фальшь: «Общественное явление сведено у г. Тургенева к разнообразным, мелким, личным причинам. Он, разумеется, сам понимает, что это неверно ...» [Михайловский].

Д. Н. Овсяннико-Куликовский чутко уловил разницу между идеологией предводителей народничества и истинным народничеством: «Крупнейшие представители и, можно сказать, создатели идеологии эпохи, П. Л. Лавров и Н. К. Михайловский, выдвигали на первый план идею личности и отставивали ее право на критическое отношение к народному мирозерцанию и идеалу. Эта черта ... проводит резкую грань между их идеологией и чистым народничеством, всегда склонным подчинять индивидуалистические стремления личности коллективной мысли и воле народных масс» [Овсяннико-Куликовский, 1906—1907]. В художественном мире романа хорошо ощущается ирония Тургенева по отношению к таинственному руководителю, письменно направляющему героев романа «Новь», но не менее тщеславны и рядовые революционеры-народники.

Широко представленный в романе мотив «дела» использовался писателем в том числе для иронического освещения намерений народников. Тургенев показал, что абстрактное «дело» часто закрывало для молодых революционеров смысл жизни, что в попытке опрощения они шли от формы, еще более углубляя пропасть между собой и народом. В романе «Новь» встречаются мастерски продуманные автором композиционные ходы на уровне отдельных диалогов и эпизодов. К примеру, Маркелов объясняет Нежданову, что наступило время, когда нужно мешать таким, как Калломейцев, «глупые дела делать». Но следом сам же Маркелов характеризует совершенно бесполезного человека как дельного: *Тут между всей этой дворовой челядью есть один малый дельный ... (Кирилл этот был известен как горький пьяница)* [Тургенев, 1978—2018, т. 9, с. 190]. Не менее интересен многократный повтор фразы *«Всё равно надо будет потом всё переделать ...»* [Там же, с. 200], демонстрирующей бессмысленность большинства действий Маркелова. Описывая крестьянскую лошадку, на которой Павел везет Нежданова «в народ», Тургенев в финале добавляет уничижительное сравнение: *Лошадка у них была пребойкая, кругленькая, с остриженной гривой на зарезистой шее; она очень хлопотливо перебирала своим крепкими ножками и всё просила поводыев, точно на дело спешила и нужных людей везла* [Там же, с. 339].

В «Нови» только Соломин думает о ближних, все остальные герои слишком увлечены каким-либо иллюзорным делом и собственным местом

в этом деле. Даже Соломин не всегда чуток: «Именно Соломин пройдет мимо страдающего Нежданова, не попытавшись спасти его» [Кочурова, 2012, с. 63]. Важнейшие характеристики Соломина связаны с ожиданием, молчанием, в то же время не иначе как «разглагольствованиями» называет Тургенев большинство речей Сипягина и Калломейцева. Противопоставлением этому бессмысленному говорению в романе является *художественное слово*. Паклин в начале романа рассуждает о назначении искусства, об извращенном понимании произведения, когда художество и искусство — не что иное, как мода. Это рассуждение коррелирует с диалогом Марианны и Нежданова о литературе. Не случайно Тургенев примеряет для своего героя роль писателя и показывает, что он об этой роли задумывался: *«Мне сдается, что ты мог бы сделаться литератором, только я наверно знаю, что у тебя есть призвание лучше и выше литературы ...»*, — говорит Нежданову Марианна. *«Ты думаешь? Да, я с тобой согласен. Лучшие гибель там, чем успех здесь»*, — отвечает Нежданов [Тургенев, 1978—2018, т. 9, с. 269].

Изображение «Безымянной Руси», почти бессловесного героя Соломина прекрасно иллюстрирует заблуждения Нежданова и его товарищей. А. А. Бельская пишет: «Индивидуальность Тургенева состоит в том, что он, уловив связь между народничеством и ранним христианством с его идеалами отречения, жертвенности, самоотверженного подвига, замечает смену / подмену народниками христианских ценностей» [Бельская, 2020, с. 58—59]. По Тургеневу, «Безымянная Русь» воли своей не знает и активно не выражает. Ни один из персонажей романа, даже честный труженик Соломин, не чувствует в себе сил для деятельности без народа, находящегося в состоянии сна. Именно посредством мотива сна реализуется конфликт: «...сознательной деятельности народников противостоит бессознательное сопротивление массы, маркированное семей “сон”. В качестве своеобразного антипода героям-народникам выступает в романе “спящая Россия”» [Свиридов, 2011, с. 303]. Этот спящий народ оставался загадкой и для самого Тургенева, и для его героя-идеолога Силы Паклина, забывающего, как замечает его скромная сестра Снандулия, самое важное: *«Силушка, — послышался за спиной Паклина тихий голосок Снандулии, — мне кажется, в твоих рассуждениях о будущем ты забываешь нашу религию и ее влияние...»* [Тургенев, 1978—2018, т. 9, с. 388]. «Народные люди», как называет Соломина Паклин, безмолвны, это люди дела, а не пропаганды. Поздний Тургенев особенно пронизательно ощущает природу и силу каждого слова. Не случайно первый из четырех человек, которым Нежданов попытался вручить брошюры, спрашивает: *«Божественная ли это книга?»*: так писатель напоминает нам об истинном предназначении слова, забываемом народниками [Там же, с. 323].

5. Заключение

В 1870-е годы Тургенев сознательно выходит к широким эпическим обобщениям, в процессе создания оценивает свой последний роман «Новь» как итог всего творчества, призванный показать читателям его истинную позицию (не крайнего западника, а умеренного либерала, заботившегося о свободе граждан своей страны). Не случайно и обращение Тургенева в эти годы к жанру очерка: дополнение «Записок охотника» тремя произведениями («Конец Чертопханова», «Живые мощи», «Стучит!») позволило писателю вывести повествование во всей книге во вневременной план, усилить драматические элементы, противопоставив им православное мирозерцание героев. В добавленных к «Запискам охотника» очерках Тургенев ярко представил полюса русской жизни, проявляющиеся в эгоизме и жертвенной христианской любви. Три финальных рассказа «Записок охотника» позволили Тургеневу воплотить в книге религиозные мотивы, нашедшие реализацию и в романе «Новь». Тургенев не стал истинно верующим и православным человеком, но воссоздание религиозной основы жизни русского народа позволило ему создать лаконичный текст, который содержал неисчерпаемую глубину смыслов.

Источники

1. *Тургенев И. С.* Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. / И. С. Тургенев. — Москва : Наука, 1978—2018.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Андреева В. Г.* «Взволнованные улитки». Радикализм и аполитизм в романе И. С. Тургенева «Дым» / В. Г. Андреева // Два века русской классики. — 2020а. — Т. 2. — № 4. — С. 228—249. — DOI: <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2020-2-4-228-249>.

2. *Андреева В. Г.* Народная тема как эпическая основа романа И. С. Тургенева «Новь» / В. Г. Андреева // Известия Южного федерального университета. — 2020б. — № 4. — С. 169—181. — DOI: <https://doi.org/10.18522/1995-0640-2020-4-169-181>.

3. *Бельская А. А.* Роман И. С. Тургенева «Новь» : имя как смысловая основа образов героев-народников / А. А. Бельская // Ученые записки Орловского государственного университета. — 2020. — № 2 (87). — С. 54—61.

4. *Беляева И. А.* Система жанров в творчестве И. С. Тургенева / И. А. Беляева. — Москва : МГПУ, 2005. — 252 с. — ISBN 5-243-00179-1.

5. *Веселовский А. Н.* История или теория романа? [Электронный ресурс] / А. Н. Веселовский. — Режим доступа : http://az.lib.ru/w/weselowskij_a_n/text_1886_istoria_ili_theoria_romana.shtml (дата обращения 14.08.2021).

6. *Головко В. М.* Дихотомия созерцательного и действенного отношения к миру в онтологии человеческой жизни И. С. Тургенева / В. М. Головко // Проблемы исторической поэтики. — 2020. — Т. 18. — № 1. — С. 211—238. — DOI: 10.15393/j9.art.2020.7662.

7. Гроссман Л. Ранний жанр [Электронный ресурс] / Л. Гроссман. — Режим доступа : <http://turgenev-lit.ru/turgenev/kritika-o-turgeneve/grossman-rannij-zhanr.htm> (дата обращения 25.08.2021).

8. Казакова С. К. Романый герой в эпическом дискурсе (К проблеме рецепции романа «Обрыв» И. А. Гончарова) / С. К. Казакова // Филологический класс. — 2021. — Т. 26. — № 1. — С. 206—217. — DOI: 10.51762/IFK-2021-26-01-17.

9. Кочурова Н. В. Поэтика сюжета последнего романа И. С. Тургенева («Новь») / Н. В. Кочурова // Уральский филологический вестник. Серия : Русская классика : Динамика художественных систем. — 2012. — № 6. — С. 57—66.

10. Лебедев Ю. В. Вехи жизни и творчества И. С. Тургенева / Ю. В. Лебедев. — Кострома : КГУ, 2018. — 212 с. — ISBN 978-5-8285-0975-1.

11. Лебедев Ю. В. «Записки охотника» И. С. Тургенева. Пособие для учителя / Ю. В. Лебедев. — Москва : Просвещение, 1977. — 80 с.

12. Михайловский Н. К. «Новь» [Электронный ресурс] / Н. К. Михайловский // Отечественные записки. — 1877. — № 2. — Режим доступа : http://az.lib.ru/m/mihajlowskij_n_k/text_0270.shtml (дата обращения 25.08.2021).

13. Овсяннико-Куликовский Д. Н. История русской интеллигенции. Итоги русской художественной литературы XIX века. Часть II [Электронный ресурс] / Д. Н. Овсяннико-Куликовский. — Москва, 1906—1907. — Режим доступа : http://az.lib.ru/o/owsjanikokulikowskij_d_n/text_1911_iz_istorii2.shtml (дата обращения 25.08.2021).

14. Овсяннико-Куликовский Д. Н. «Новь» и тип «нужного для России» человека [Электронный ресурс] / Д. Н. Овсяннико-Куликовский // Северный вестник. — 1895. — № 2. — Режим доступа : http://az.lib.ru/o/owsjanikokulikowskij_d_n/text_1895_02_turgenev_i_tolstoy_olderfo.shtml (дата обращения 25.08.2021).

15. Прозоров Ю. М. И. С. Тургенев на пороге XXI века (заметки) / Ю. М. Прозоров // Спасский вестник. — 2004. — № 11. — С. 4—9.

16. Пустовойт П. Г. И. С. Тургенев — художник слова / П. Г. Пустовойт. — Москва : МГУ, 1987. — 301 с.

17. Свиридов С. А. Функции художественной гипнологии в романе И. С. Тургенева «Новь» / С. А. Свиридов // Культура и текст. — 2011. — № 12. — С. 302—308.

18. Фирсова А. А. О пространственно-временной организации романа И. С. Тургенева «Новь» / А. А. Фирсова // Проблемы метода и жанра. — Томск : ТГУ, 1983. — С. 145—153.

19. Фомина Е. Русский национальный тип в произведениях И. С. Тургенева 1840—1870-х гг. / Е. Фомина // Русская литература. — 2015. — № 1. — С. 82—93.

MATERIAL RESOURCES

Turgenev, I. S. (1978—2018). *The complete collection of works and letters: in 30 volumes*. Moscow: Nauka. (In Russ.).

REFERENCES

Andreeva, V. G. (2020a). “Agitated snails”. Radicalism and Apolitism in I. S. Turgenev’s novel “Smoke”. *Two centuries of Russian classics, 2 (4)*: 228—249. DOI: <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2020-2-4-228-249>. (In Russ.).

Andreeva, V. G. (2020b). Folk theme as the epic basis of the novel by I. S. Turgenev “Nov”. *Proceedings of the Southern Federal University, 4*: 169—181. DOI: <https://doi.org/10.18522/1995-0640-2020-4-169-181>. (In Russ.).

- Belskaya, A. A. (2020). Turgenev's novel "Nov": the name as the semantic basis of the images of heroes-narodniks. *Scientific notes of the Oryol State University*, 2 (87): 54—61. (In Russ.).
- Belyaeva, I. A. (2005). *The system of genres in the works of I. S. Turgenev*. Moscow: MSPU. 252 p. ISBN 5-243-00179-1. (In Russ.).
- Firsov, A. A. (1983). On the spatial-temporal organization of the novel by I. S. Turgenev "Nov". In: *Problems of method and genre*. Tomsk: TSU. 145—153. (In Russ.).
- Fomina, E. (2015). Russian National type in the works of I. S. Turgenev of the 1840s—1870s. *Russian literature*, 1: 82—93. (In Russ.).
- Golovko, V. M. (2020). The dichotomy of a contemplative and effective attitude to the world in the ontology of human life I. S. Turgenev. *Problems of historical poetics*, 18 (1): 211—238. DOI: 10.15393/j9.art.2020.7662. (In Russ.).
- Grossman, L. *Early genre*. Available at: <http://turgenev-lit.ru/turgenev/kritika-o-turgenev/grossman-rannij-zhanr.htm> (accessed 25.08.2021). (In Russ.).
- Kazakova, S. K. (2021). Novel hero in an epic discourse (To the problem of reception of the novel "the Precipice" by I. A. Goncharov). *Philological class*, 26 (1): 206—217. DOI: 10.51762/1FK-2021-26-01-17. (In Russ.).
- Kochurova, N. V. (2012). Poetics of plot of the latest novel by I. S. Turgenev ("Nov"). *Ural philological Bulletin. Series: Russian Classics: Dynamics of Artistic systems*, 6: 57—66. (In Russ.).
- Lebedev, Yu. V. (1977). "Notes of a hunter" by I. S. Turgenev. *Manual for teachers*. Moscow: Prosveshchenie. 80 p. (In Russ.).
- Lebedev, Yu. V. (2018). *Milestones of the life and work of I. S. Turgenev*. Kostroma: KSU. 212 p. ISBN 978-5-8285-0975-1. (In Russ.).
- Mikhailovsky, N. K. (1877). "Nov". In: *Domestic notes*, 2. Available at: http://az.lib.ru/m/mihajlowskij_n_k/text_0270.shtml (accessed 25.08.2021). (In Russ.).
- Ovsyaniko-Kulikovskiy, D. N. (1895). "Nov" and the type of person "necessary for Russia". In: *The Northern Herald*, 2. Available at: http://az.lib.ru/o/owsjanikokulikowskij_d_n/text_1895_02_turgenev_i_tolstoy_olderfo.shtml (accessed 25.08.2021). (In Russ.).
- Ovsyaniko-Kulikovskiy, D. N. (1906—1907). *History of the Russian intelligentsia. Results of Russian fiction of the XIX century, II*. Moscow. Available at: http://az.lib.ru/o/owsjanikokulikowskij_d_n/text_1911_iz_istorii2.shtml (accessed 25.08.2021). (In Russ.).